

Эффект

МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало	Белоснежный лайнер
Крылья страха	в другую жизнь
Выхожу тебя искать	Бронзовое облако
Волчья ягода	Самый близкий демон
Мне давно хотелось убить	Первая жена Иуды
Саван для блудниц	Delete
Черное платье на десерт	Хроники Розмари
Девушка по вызову	Солнце в ночном небе
Рукопись, написанная кровью	Ледяное ложе для брачной ночи
Парик для дамы пик	Подарок от злого сердца
Пикник на красной траве	День без любви
Шоколадный паж	Печальная принцесса
Роспись по телу	Призрак Монро
Этюд в розовых тонах	Персиковый мед Матильды
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель	Издержки богемной жизни
Услуги особого рода	Вспомни обо мне
Яд Фаберже	Красное на голубом
Комната смеха	Сердце химеры
Мальтийский апельсин	Госпожа Кофе
Виртуальный муж	Дождь тигровых орхидей
Японская молитва	Миф Коко Банча
Цветы абсолютного зла	Одинокие ночи вдвоем
Страна кривого зазеркалья	Алый шар луны
Платиновая леди	Черника на снегу
Танцующая на волнах	Девять жизней Греты
Свергнутая с небес	Смерть отключает телефон
Гламурная невинность	Шестой грех
Древний инстинкт	Меня зовут Джейн
Женщина-ветер	Звезды-свидетели
Нирвана с привкусом яда	Витамин любви
Правда о первой ночи	Две линии судьбы
Дама из Амстердама	Когда остановится сердце
Игры с темным прошлым	Призраки знают все
Властелин на час	Аромат желаний
	За спиной — двери в ад

Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
 Пожиратели таланта
 Черный пасодобль
 Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
 Ангел в яблоневоm саду
 Из жизни жен и любовниц
 Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
 Приговоренный к жизни
 Признания грешницы
 Дом на берегу ночи
 Ведьма с зелеными глазами
 Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
 Мишень для темного ангела
 Грех и немножко нежно
 Если можешь — прости
 Убийство в соль минор
 Уставшая от любви
 Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
 Слезинка в янтаре
 Проклятие Клеопатры
 Сколько живут донжуаны
 Любовь насмерть
 Миллион для Коломбины
 Неаполитанская кошка
Стану рыжей и мертвой, как ты
 Два лица Пьеро
 Париж на час
 Умри, богема!
 Черная перепелка
Прости меня, твою убийцу
 Звериный профиль
 Тайна церковной мыши
 Тени в холодных ивах
Комната для трех девушек
 По дороге в синий лес
 Земляничное убийство

АННА ДАНИЛОВА

ПРЕКРАСНЫЙ ВОЗРАСТ,
ЧТОБЫ УМЕРЕТЬ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн обложки *Д. Сазонова*

Редактор серии *А. Самофалова*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Прекрасный возраст, чтобы умереть: [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-172161-9

Известному скульптору Валентине Соляных пророчили выдающийся успех. Работы талантливой девушки уже украшали улицы и парки Германии, на ее счет регулярно поступали крупные денежные суммы. Все это никак не давало покоя ее близким родственникам — сестре Любе, а более всего мужу сестры Вадиму. Он спал и видел, как бы добраться до денег свояченицы. И его молитвы были наконец-то услышаны. Валентина погибла, наследницей ее состояния стала Люба. Вот только не причастен ли к гибели родственницы сам Вадим, и куда неожиданно пропала его любовница Кира — разбираться с этими вопросами предстоит известному в городе адвокату Елизавете Травиной и ее бесценной помощнице Глафире...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172161-9

© Текст, Дубчак А.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Саратов, октябрь 2013 г.

Люба проснулась от звонка будильника. Она ненавидела этот звук, тревожный и вместе с тем какой-то нахальный, заставляющий ее уже с самого раннего утра ненавидеть надвигающийся день. Будильник был старый, еще материн, он много лет будоражил, поднимал семью Соляных, мать и двух ее дочерей, Валю и Любу, заставлял продирааться сквозь дрему, возвращая их из сладких спасительных миров сна в жуткую, наполненную бесконечными заботами реальность.

Надо бы выбросить этот звонок. Вадим уже много раз говорил ей об этом, потому что и он тоже ненавидел этот будильник. Но она почему-то не выбрасывала, у нее рука не поднималась, словно где-то на подсознании она боялась, что не сумеет привыкнуть к другому сигналу электронного будильника того же телефона и что проспит все то важное, пусть и неприятное, через что ей просто необходимо пройти, это надо пережить, стиснув зубы.

Понятное дело, что она хлопнула по крышке будильника, чтобы он заткнулся. Все, свое черное дело он уже сделал, разбудил. Пусть теперь помолчит сутки.

Вадим, муж, время от времени жалуется на нее, что она неласковая, что отказывает ему в любви, особенно в утренние часы, когда он переполнен мужскими силами. Вот и сейчас он, слегка разбуженный будильником, но еще не проснувшийся окончательно, повернулся к ней, крепко обнял, прижал к себе, к своему горячему голому телу, принялся спросонья целовать ее шею, затылок.

А ей не хочется, ей жарко и душно, несмотря на то что в квартире прохладно, еще не начали топить, хотя за окном середина октября. Жарко от Вадима, от его тела, дыхания, от его раскаленных крепких рук.

Возможно, если бы не этот будильник и Люба находилась в полусне, то она и ответила бы на его ласки, но только не сейчас, когда их кровать со всех сторон окружили кредиторы, все те многочисленные люди, которым они задолжали. Они стояли, плотно обступив их постель, как будто бы за прозрачной стеклянной толстой стеной, через которую они пока еще не могли прорваться. Растопыренные пальцы побелевших от давления рук облепили стекло, пытаясь выдавить его, искаженные злостью уродливые лица с поросячьими носами и вмятыми в стекло ртами... Вот уж в чем в чем, а в фантазии она нисколько не уступала своей сестричке. Вот только руки у нее выросли не из того места и были предназначены исключительно для грубой работы и уж никак не творческой. Не то что у Валентины...

— Лю... — Вадим продолжал ластиться к жене. — Ну, Лю... Ты же моя любовь!

Спальня, несмотря на все Любины усилия и потраченные деньги, все равно не выглядела уютной. Все вроде бы так, как положено: теплый паркет, голубые бархатные шторы, огромная кровать с резной деревянной спинкой, изящный туалетный столик, белый с розовым и голубым ковер под ногами. Да только спальня все равно какая-то холодная, словно чужая. И все это потому, что деньги на нее они назанимали у друзей, поддавшись настроению, как два идиота, решившие устроить себе красивую жизнь. И устроили. Квартиру купили по ипотеке, набрав липовых справок с несуществующих работ, и уже два года как выплачивают, занимая и перезанимая у кого только можно. И ремонт сделали — закачаешься, одни только натяжные потолки чего стоили! И мебель в гостиную купили, а какую кухню отгрохали! Да вот только пригласить теперь никого домой не могут: стыдно в глаза людям смотреть, вот, мол, глядите, как у нас все красиво и дорого, а это ничего, что мы вам столько задолжали?

Противно. Все противно. И, главное, радости все эти преобразования лично ей, Любе, не принесли. Она пила чай из красивых чашек (не удержалась, купила в антикварном магазине лиможский фарфор, вот дура-то!), и сковородки у нее были из красной меди, и шелковые ковры ласкали ее голые пятки, и ванна была похожа на драгоценный сосуд, наполненный ароматическими маслами, да только ее не покидало чувство, будто бы все это — временно. Словно они сняли роскошный королевский номер в отеле, из которого рано или поздно все равно придется съехать.

... Вадим все же подмял ее под себя, она закрыла глаза и простонала. Но не от наслаждения, а от какого-то неприятного чувства гадливости и неприязни к мужу, которого, как ей казалось, она все еще любила (или уже не любила?). Как надоели ей все эти отношения, эта липкая и жаркая близость, эти звуки, запахи... С каким удовольствием она бы сейчас встала под теплый душ, намылилась душистым мылом и смыла с себя все это...

Надо было ей встать пораньше, выскользнуть из постели и отправиться в кухню варить кофе. Вот там-то он ее уж точно бы не поймал. Стоит ему проснуться, как и он тоже, вероятно вспомнив, какой ему предстоит день (вечные унижительные поиски денег!), быстро остынет, и от внутреннего приятного напряжения не останется и следа. Примется бегать по квартире, мыться-бриться-завтракать-одеваться, после чего с кислой миной выйдет из дома, чтобы вернуться поздним вечером и признаться жене в том, что ничего-то у него не получилось, что кто-то там его обманул, подвел, предал, что все люди — гады и думают только о своей выгоде, к тому же все болтуны, вруны, подлые мошенники.

— Вадим, так жить невозможно... — начала она за столом свою старую песню.

Яичница из трех яиц, свежий огурец, кофе и поджаренный хлеб — все это стояло перед чисто выбритым, свежим после душа Вадимом. Он был в черном махровом халате, как всегда красивый и очень молодо выглядевший в свои тридцать с небольшим.

— Любана, успокойся уже. Как-нибудь выкарабкаемся... У меня сегодня важная встреча с одним миллионером. Представляешь, он просто не знает, куда деть свои деньги. Ну, я пообещал ему подыскать офис в центре города, свести его с нужными людьми, и вообще — помощь во всех его начинаниях.

— Он что, младенец и сам со своими миллионами не в состоянии во всем разобраться? Ему что, нянька нужна? — с видимым недоверием возразила Люба.

Люба, худенькая бледная молодая женщина с густыми черными волосами, туго стянутыми на затылке резинкой, на фоне аппетитно поедающего свой завтрак мужа, пусть даже и в дорогом красном шелковом халатике, выглядела совершенно несчастной, с поджатыми губами и глубокими страдальческими складками, идущими от носа вниз, к подбородку.

— Да как ты не поймешь?! Деньги людям достаются по-разному..

— Что ты такое говоришь? Вот мы, к примеру, постоянно занимаем и перезанимаем! А кто-то их зарабатывает, понимаешь? — Люба запыхтела, как паровоз. Но муж не обиделся.

— Ты сначала послушай меня внимательно. Дело в том, что этот человек, он пока еще не бизнесмен, он никто, так, наследник! Ему просто после смерти брата достались все эти миллионы.

— Так, может, он его и грохнул, этого брата? — ядовито усмехнулась Люба.

— Нет-нет, если бы ты его увидела, то сразу поняла бы, что он — сущий ангел! У него даже голос нежный..

— Может, он гей?

— Ладно, Любаня, я чувствую, что ты снова на взводе. Расслабься и постарайся ни о чем не думать! Скажи, вот что такого страшного может случиться с нами в этой жизни? Нас что, посадят в долговую яму или тюрьму?

— Как что?! Вадя! Я вздрагиваю от любого звонка или стука! Мне кажется, что это все наши кредиторы, наши друзья и знакомые, которым мы должны, звонят в дверь, чтобы наброситься на нас и разорвать в клочья!

— Дурочка ты моя, — Вадим промокнул жирные губы вышитой салфеткой и поцеловал руку жены, ну просто дворянин из дворян. — В том-то и дело, что мы назанимали, как ты выражаешься, деньги не у каких-то там простых людей, которые считают свои копейки, а у людей хоть и богатых, но порядочных, интеллигентных, которые никогда не посмеют вот так запросто требовать свои деньги обратно. Они верят нам, что у нас просто сейчас трудное положение, что мы все-таки купили квартиру..

— Ипотека! — застонала Люба. — Не забывай, ипотека! Мы ее пока что не купили, Вадим!

— Ну и что? Уже два года как-то изворачиваемся! И дальше продолжим в том же духе. Кстати говоря, этот человек, назовем его Лимон, как бы «миллион», ну, чтобы проще было о нем говорить... Так вот, он обещал мне содействие в получении

кредита. Причем немаленького кредита. Мы возьмем денежки, расплатимся со всеми долгами и будем себе потом спокойно жить, выплачивая в час по чайной ложке. Лет на двадцать растянем выплату. Причем на самых выгодных условиях!

— Да с какой стати банк даст нам крупную сумму? Нам нужно как минимум шесть миллионов рублей!

— А мы попросим десять! Пять из них, заметь, я сразу же пушу в производство и ремонт вагонных колес... Но это потом, потом я тебе все расскажу... Это крупный заказ от Министерства железнодорожного транспорта...

— О-о-о... Вадим, очень тебя прошу, хватит уже мне рассказывать сказки про белого бычка и тем более про вагонные колеса! Я не верю ни в один твой проект. Так и знай.

— Ну и напрасно! Что бы ты сейчас ни говорила, как бы ты ни пыталась обидеть меня, я все равно не обижусь. И вообще, Люба моя дорогая, оглянись вокруг! Посмотри, как прекрасно мы живем! Какая у нас чудесная квартира! Да и холодильник всегда набит разными вкусностями...

— Но аппетита у меня нет, так и знай. И по квартире этой я хожу, как...

— ...по гостиничному номеру, это я уже слышал. Говорю тебе: успокойся. Все будет хорошо. Я вот сейчас уйду, ты позавтракай хорошенько, приберись да и иди в город, купи себе что-нибудь...

Люба посмотрела на мужа округлившимися глазами. Она вдруг представила себя со стороны, раздраженную, едва ли не позеленевшую от злости, и ей стало еще более отвратительно.

— Купи себе что-нибудь? — передразнила она Вадима. — Ты что, издеваешься надо мной, что ли? На какие-такие шиши?

— А я тебе сейчас дам... Я у Бориса занял тысячу баксов, он как раз выгодно продал свою машину... Я объяснил ему, что у меня большие неприятности...

— Ты посмел снова занять у Бориса? И тебе не стыдно?

— Совершенно не стыдно. Мы же друзья.

— Не понимаю, как все эти люди еще продолжают дружить с нами, приглашать в гости, я не знаю, на именины, юбилеи... Неужели они на самом деле надеются, что однажды мы сполна расплатимся с ними? Удивительные люди, скажу я тебе...

— Люба, вот ты скажи, ты на самом деле ничего не понимаешь?

— В смысле?

— Ну, ты вот целое утро переживаешь, истеришь, мучаешь себя и меня, считаешь, что мы находимся в безвыходном положении и люди нам дают деньги в надежде, что мы с ними расплатимся?

— Постой... ты на что намекаешь? Хочешь сказать, что они знают, что мы им ничего не вернем? Вадим, я вообще уже ничего не понимаю... Они что, подарили нам все эти огромные деньги, эти миллионы?

— Люба, хватит уже валять дурака! Думаешь, у меня вообще мозгов нет и я не понимаю, почему все эти люди так липнут к нам, везде приглашают и все нам прощают? Ты что, забыла, как они вообще появились в нашей жизни? Все эти городские снобы, аристократы, вся эта интеллигенция, мать

их? Разве мы с тобой, поженившись, ходили бы на выставки, концерты, в театры? Да мы с тобой все свободное время бы валялись в койке, курили, ели-пили да спали... Это же все Валька твоя сделала! Когда у нее пошли дела, стала приглашать нас на свои выставки, и мы ходили туда из вежливости... Нет, ты, может, и не из вежливости, она же все-таки твоя сестра, а я-то туда ходил исключительно ради тебя, чтобы ты не обиделась. Ведь я стал членом вашей семьи. Я же до того, как познакомился с тобой, с Валею, вообще не обращал внимания ни на картины, ни на какие-то там скульптуры... Ну, стоят в городе какие-то памятники, фигуры каменные или мраморные, я не знаю, металлические... Вообще их не видел! А сейчас я знаю о наших городских скульптурах практически все! Но не потому, что я стал таким уж заядлым искусствоведам...

Люба слушала его, нахмурившись, в ожидании, что сейчас-то он скажет все то главное, нехорошее, злое, от чего ей наверняка станет еще хуже, тяжелее. Сейчас разорвется бомба, и сбежать она уже не успеет, он все равно настроен высказать ей все то, чего она не хочет слышать и знать.

— Вадим, пожалуйста, не надо... — прошептала она, глотая слезы. — Прошу тебя...

Она так не хотела разочаровываться в нем снова. Ей так нравилась роль жены успешного, неглупого и развитого, увлекающегося искусством интеллигентного мужчины, что она готова была даже заткнуть уши руками, лишь бы не слышать всей той гадкой правды, которую она и так без него знает.

— Твоей Валентине на днях переведут пятьсот тысяч евро за скульптуры в Зальцбурге...

— Вадим!!!

— А это, моя дорогая, больше двадцати миллионов рублей! Об этом писали все газеты, это ни для кого не тайна. Вот и подумай, давали бы нам все наши так называемые друзья деньги в долг, если бы не понимали, что все эти долги будут погашены твоей сестрой?! А она непременно нам поможет, я уверен в этом! Просто она пока не знает о том, что мы в долгах по уши. И я не виноват, что ты ей еще ничего не сказала. Ты дура, Люба. Ну, скажи, зачем ей так много денег? Она же как бы не замужем...

— Вадим, прекрати! Ты же прекрасно знаешь, что она живет с Альбертом и они счастливы!

— Пригрелся старый плешивый еврей у нее на груди, как змея. Любит он ее, как же! И ты веришь? Где же он был, когда у нее не было денег, когда она болела, когда была в долгах? Любовь! Да он просто все просчитал, упырь! Знал, что она все еще любит его, вернее, продолжает его любить, вот и воспользовался ситуацией. Хорошо, что твоя сестра еще не потеряла голову настолько, чтобы связать себя с ним браком. Вот тогда-то он ее точно облапошит, ваш Альбертик... Старый, страшный мужик, с глазами навывкате, с лысиной и огромным шнобелем... Не понимаю я вас, баб!

— Вадим, пожалуйста, прекрати, мы сейчас поругаемся...

— Ладно, Люба, я так тебе скажу, — лицо Вадима стало вдруг серьезным, а глаза и вовсе потухли. — Конечно, дела наши зашли далеко, и день-

ги отдавать нужно. Хотя бы пару миллионов надо срочно погасить. И если ты не попросишь денег у сестры, мы пропали. Боря Самсонов продал машину, но не просто так, а потому, что ему приглянулся дом и он собирается его покупать. Конечно, деньги у него есть, но не все. Дом трехэтажный, дорогой, стоит на самом берегу Волги, с огромным садом, бассейном, баней и гаражами... Короче, он намекнул мне вчера, что ему нужны эти два миллиона, что мы ему должны.

— Постой, какие еще два миллиона? Мы же всего должны два... всем нашим знакомым, плюс ипотека...

— Нет, моя дорогая. Просто я не хотел тебя расстраивать. Всего мы должны три с половиной миллиона. Но это так, для справки. Люба, ты должна встретиться со своей сестрой, и не просто так с ней кофе пить, а серьезно поговорить. Придумай что-нибудь, скажи, что мы должны и что, если мы не расплатимся, нас вообще закатают в асфальт... Она у тебя девочка добрая, поможет..

— Три с половиной миллиона?! Вадим, но откуда такие деньги? Мы же с тобой все записывали, все долги, расходы...

— Я еще взял машину в кредит.

— Что-о-о?!

— Не мог удержаться... Представляешь, она выглядит как золотая, «Ауди», такая красавица...

— Да ты просто с ума сошел!

— Люба, ты успокойся и выслушай меня. Я скажу тебе сейчас очень простую вещь, которую ты должна себе уяснить. Вот ты считаешь меня без-

дельником, неудачником и все такое. Что меня все обманывают, предают, подставляют... Но скажи, в чем это проявляется? Мы что, сидим голодные? Или живем в бараке? Или у нас нет денег на врачей? У нас есть все! Мы полностью защищены. Мало ли чего я рассказываю людям, пусть они верят, что меня действительно кто-то там надул, воспользовался моим доверием, да пусть даже думают, что я просто дурак, мне-то что?! Я вообще не гордый! Я практичный, понимаешь? Важно, что все наше окружение считает меня славным малым, веселым человеком, который вносит в компанию нотку легкомысленности, делает вечеринку веселой и заставляет всех поверить в то, что жизнь, в сущности, прекрасна! Каждый человек должен научиться пользоваться собой как инструментом, чтобы добиваться поставленной цели. Меня люди любят просто так, понимаешь? Пусть смеются за спиной, пусть считают меня глуповатым, пусть! Пускай даже жалеют, я не против, в конечном счете жалость иногда смахивает на любовь! Я для этих наших местных тузов, мнящих себя сливками общества, очень хороший фон, понимаешь?

Люба слушала его, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

— Какой фон, Вадик, о чем ты?

— Да на моем фоне они чувствуют себя по-настоящему благополучными, понимаешь? А-а-а!... — Он вдруг отмахнулся от нее, словно заведомо зная, что она его все равно не поймет. — Ладно, объясню, как ребенку. Моя работа заключается в том, чтобы расположить общество к себе и выкачать из

него деньги, а твоя — в том, чтобы убедить твою сестричку покрыть все наши долги. И тогда мы с тобой будем в шоколаде!

— И ты... И ты думаешь, что это все реально? И что Валя действительно даст нам все эти миллионы?

— Уверен! Причем ей это будет даже приятно!

— Но почему?

— Да потому, что она у тебя идеалистка, понимаешь? Она в душе, быть может, будет тебе даже благодарна за то, что ты позволишь ей помочь тебе.

— Я не понимаю...

— Она тебя спасет и благодаря этому почувствует себя настоящей героиней. Этот поступок делает ее еще более благородной в собственных глазах. К тому же это еще больше сблизит вас. Поверь мне, я разбираюсь в психологии людей. Да, вот еще что! Когда она увидит благодарность в твоих глазах, то наверняка испытает невероятный творческий подъем... Так часто бывает. Ведь ее жизнь тогда наполнится смыслом...

— Вадик, поверь мне, это простой набор фраз... Ты можешь обманывать кого угодно, да только не меня, — заплакала Люба. — Она будет презирать меня и тебя, нас. И если даже даст денег, то чтобы только отделаться от меня... Я не смогу, не смогу...

— Ну и дура.

— А других способов не существует?

— Существует, — он приблизил свое лицо к ее лицу и заглянул в ее опухшие и мокрые от слез глаза. — Убей ее, и тогда ты, ее единственная наследница, получишь все.

2

Саратов, декабрь 2013 г.

Глафира поставила чашку кофе перед господином в черном меховом пальто. Немец, подумала она, внимательно разглядывая его бледное, словно напудренное лицо с благородными чертами: черные крупные глаза, крючковатый нос, полные темные губы. Он произнес всего несколько слов, с сильнейшим акцентом, так мог говорить человек практически любой европейской национальности, но Глафира почему-то сразу решила, что он именно немец.

— Елизаветы Сергеевны сейчас нет, она появится через полчаса, у нее суд, — весело солгала Глафира. Лиза вышла из своей адвокатской конторы еще три часа тому назад, чтобы, не торопясь и получая удовольствие от процесса, пройтись по магазинам и купить подарки к Рождеству своим близким и друзьям. Глафира сама отправила ее, убедив не тянуть долго с этим важным делом, пока в их работе образовалась небольшая пауза.

«Глаша, а вдруг я уйду и к нам придет какой-нибудь интересный клиент?» — недоверчиво спросила Лиза, тем не менее набрасывая на плечи шубку. Она была в прекрасном расположении духа, выглядела очень счастливой, веселой. И неудивительно, ведь из долгой командировки возвратился ее муж, Дмитрий, и ее вынужденному одиночеству, наполненному работой и заботами о маленькой дочке, настал конец. Теперь Дима будет дома, они вместе встретят католическое Рождество, потом Новый

год, затем еще одно Рождество, и будет им тихое семейное счастье...

Однако как она прочувствовала, что накануне Рождества к ним заглянет новый клиент?!

— Мне кажется, я где-то вас уже видела, — сказала Глафира, устраивая рядом с чашкой с кофе блюдце с печеньем. На этот раз она сказала чистую правду. Ей действительно показалось, что она где-то уже видела это лицо, и оно ассоциировалось у нее почему-то с церковью и земляничным мороженым. — Вы случайно не священник?

— Я — органист, — не изменяя своему великолепному акценту, произнес каким-то обреченным тоном мужчина. — Меня зовут Густав Валенштайм.

Ну конечно! Густав Валенштайм — известный органист, музыкант, афиши которого были расклеены по всему городу, в особенности же много их было в районе городской консерватории, на тумбе, расположенной как раз напротив кафе-мороженого «Баскин Роббинс», где Глафира так любила бывать и где всегда заказывала земляничное мороженое!

— Я вспомнила, кто вы! Знаю, что Лиза была на вашем концерте в консерватории в прошлом году! И что, сейчас вы тоже у нас в городе на гастролях?

— Да, но... К вам я пришел, к сожалению, совершенно по другому и очень печальному поводу.

— Что-нибудь случилось?

Густав Валенштайм вздохнул. Уставившись в одну точку, он некоторое время сидел молча, вероятно о чем-то крепко задумавшись, поскольку вид у него был грустно-созерцательный, какой бывает

у человека, вспомнившего одновременно что-то светлое и трагичное, после чего еще глубже, тяжелее вздохнул, и глаза его при этом увлажнились!

— Я расскажу все Елизавете Травиной, — мягко, словно стараясь не обидеть Глафиру, произнес он.

И как раз в эту минуту распахнулась дверь, и в приемной появилась раскрасневшаяся, с веселыми глазами Лиза. В руках у нее были пакеты, сумки, коробки. Снег сверкал на ее светлых распущенных волосах, выбивавшихся из-под норкового серебристого берета. Белая шубка была распахнута, под ней виднелись черные брюки и розовый свитер.

Увидев сидящего в кресле Валенштайма, Лиза остановилась, пристально взглядываясь в его лицо, пытаясь вспомнить, где она могла видеть его раньше.

Уложив весь свой рождественский цветной багаж в угол приемной, она стремительно подошла к посетителю и в порыве чувств протянула ему руки, как если бы была с ним знакома.

— Вы — Валенштайм, я угадала? — Лицо ее засияло. — Боже, как же я рада вас видеть! Не пытайтесь даже вспомнить меня, мы с вами не знакомы! Но я была в прошлом году на двух ваших концертах! Я в восторге от вашей игры. Знаете, я так долго была под впечатлением Бранденбургского концерта! А еще я ужасно рада, что в нашем городе есть орган и что время от времени можно просто пойти в консерваторию и как бы абстрагироваться от всего того, чем ты живешь каждый день, от суеты и всей этой свистопляски, которую мы называем жизнью... Уф... Извините, что-то я заговорилась...